

Гусельцева М.С.

Социализация в условиях современности:
культура виктимности
(обзор зарубежных тематических публикаций)

Guseltseva M.S.

Socialization in modern conditions:
victimhood culture
(review of foreign thematic publications)

*Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия*

Институт психологии им. А.С. Выготского РГГУ, Москва, Россия

Культура виктимности – один из феноменов современности, который в последние годы активно осмысливается в ряде англоязычных публикаций. В предлагаемом читателю обзоре зарубежных тематических исследований внимание сфокусировано, прежде всего, на двух книгах, чьи авторы сделали предметом изучения зарождение в университетских кампусах новой моральной культуры – культуры жертвы. В книге «The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars» (2018) социологи Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг рассматривают смену трех исторических типов европейских моральных культур – культуры чести, культуры достоинства и культуры виктимности. Культура достоинства как идеал современных демократических обществ характеризуется ценностью свободы слова и толерантностью к микроагрессии. Это означает, что игнорирование или вежливый отпор в ответ на микроагрессию является в ней нормой. Тогда как в культуре виктимности социальной нормой становится публичное осуждение микроагрессора вплоть до сетевой травли; требование внешнего контроля над его поведением; запрет на определенные высказывания и затрагивание чувствительных тем; необходимость триггерных предупреждений и выделение безопасных пространств в университетских кампусах. В книге «The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure» (2018) Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт анализируют культуру виктимности и концепцию микроагрессии с позиции когнитивно-поведенческой терапии. Они показывают, что в основе культуры жертвы лежит утрата субъектом внутреннего локуса контроля. Соавторы последовательно развенчивают три когнитивных заблуждения, являющихся имплицитными предпосылками культуры виктимности: охранять себя от боли и эмоциональных травм; доверять своим чувствам, не подвергая их

сомнению; одни люди хорошие, а другие плохие, и хорошие люди должны бороться против плохих людей. Авторы названных книг приходят к выводу, что социализация в условиях современности создает риски изнеженности для детей и подростков, тем самым лишая их самоуправления и жизнестойкости.

Ключевые слова: современность, социализация, культура достоинства, культура виктимности, субъект

Для цитирования: Гусельцева, М.С. Социализация в условиях современности: культура виктимности (обзор зарубежных тематических публикаций) // Новые психологические исследования. 2023. № 3. С. 139–158. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_03_08

«Но особенное зло замалчивания выражения мнения состоит в том, что оно грабит человеческий род, как потомство, так и существующее поколение; тех, кто не согласен с мнением, еще больше, чем тех, кто его придерживается. Если мнение правильно, они лишаются возможности обменять ошибку на истину; если неправильно, они теряют, что почти столь же велико, более ясное восприятие и более живое впечатление истины, производимое ее столкновением с ошибкой»

Мишель Дж. О свободе

Проблемы трансформации современности и обусловленные ими особенности социализация детей и подростков в условиях меняющегося мира привлекают внимание самых разных исследователей. Для описания и анализа новых феноменов вводятся новые научные термины и метафорические конструкты. Так, в психолого-педагогических, социологических и антропологических исследованиях, характеризующих текущие социокультурные изменения, получили распространение конструкты *вертолетное воспитание* (helicopter parents) и *родители-снегоочистители* (snowplow parents) (Marano, 2008), *поколение снежинок* (generation snowflake) (Twenge, 2017), *игры под присмотром* (supervised childhood play) (Horwitz, 2015), *изнеженность разума* (coddling of mind) (Lukianoff & Haidt, 2018), *микроагрессия* (microaggression), *культура жертвы* (victim culture), *культура виктимности* (victimhood culture) (Campbell, Manning, 2018). Все эти понятия, так или иначе, охватывают те особенности современного мира, которые активно влияют на процессы социализации и развития личности подрастающих поколений.

В предлагаемом обзоре зарубежных тематических публикаций остановимся, прежде всего, на двух книгах, сделавших фокусом внимания феномен зарождения новой моральной культуры – культуры виктимности. Последняя включает те трансформации современности, которые нашли выражение в повышенной чувствительности

подростающих поколений к неблагоприятным жизненным факторам, в изнеженности разума (*coddling of mind*), т.е. склонности молодых людей избыточно оберегать себя от негативной и способной расстроить их информации, в охватывающем разные группы населения феномене оскорбленных чувств. Весь этот комплекс эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций получил название *культура виктимности* (*victimhood culture*), или *культура жертвы* (*victim culture*). Культура виктимности – один из ярких феноменов современности, активно осмысливающихся в последние годы в англоязычных публикациях. Так, в 2018 г. практически одновременно в Нью-Йорке и Лондоне вышли два основательных исследования на эту тему.

Campbell B., Manning, J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. London: Palgrave Macmillan, 2018

Брэдли Кэмпбелл (Bradley Campbell), социолог из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, и Джейсон Мэннинг (Jason Manning), социолог из Университета Западной Вирджинии, осмысливают трансформации современности и особенности социализации молодежи посредством концепции моральных культур.

Моральные культуры – негласные этические кодексы, которых придерживаются в своей повседневной жизни люди, особенно не задумываясь об их предпосылках. Субъекты руководствуются ими в собственном поведении, а также интерпретируют и оценивают в этих моральных рамках поведение других людей.

Следует отметить, что в названной книге соавторы обсуждают преимущественно моральные культуры западных стран, указав на специфику развития восточных обществ. Так, например, в сравнительном исследовании Ю. Кима, Д. Коэна и В. Ау культурные особенности стран Восточной Азии, составившие комплекс трех «Н» – иерархии, гармонии и смирения («...three Hs of hierarchy, harmony, and humility»), получили название *культуры лица/фасада* (*face culture*) (Kim et al., 2010, p. 905)⁵.

---

⁵ «Существует два способа самопознания: изнутри и снаружи. Во всех культурах люди познают себя с двух сторон. Они судят о себе на основании того, что “знают” о себе, и они впитывают суждения других людей, делая эти суждения своими собственными» (Kim et al., 2010, p. 904). На основании этих двух способов познания авторы дифференцируют культуры азиатских и европейских стран как *культуры лица* и *культуры достоинства*. В первом типе культур «приоритет отдается самопознанию снаружи, в то время как в культурах достоинства приоритет отдается познанию себя изнутри» (Там же). Более того, в последнем случае субъекты даже готовы активно сопротивляться тому, чтобы их определяли другие люди.

Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг выделяют три типа моральных культур, имеющих место в историческом развитии европейских стран: *культура чести* (honor culture), *культура достоинства* (dignity culture) и *культура виктимности* (victimhood culture)⁶.

Культура чести отличается повышенной готовностью личности реагировать как на явные оскорбления, так и на латентное неуважение. Социальный статус и приобретенная репутация обеспечивают здесь позитивный образ и самооценку личности. Благородным людям положено охранять свою честь. По этой причине они весьма чувствительны к оскорблениям и агрессивно реагируют на то, что посторонние могли бы отнести к незначительному пренебрежению (Campbell, Manning, 2018). Отсутствие сопротивления само по себе является в этих культурах моральным недостатком. Человек, не успевший дать решительный отпор оскорблению и иным внешним вызовам, считается утратившим свою честь. Детей не только не критикуют за то, что они агрессивны, вспыльчивы и мстительны, но, напротив, отсутствие брутальности, скорее всего, будет истолковано как трусость.

В культурах чести субъекты игнорируют конкурирующие добродетели такие, как миролюбие, благоразумие и милосердие, яростно защищая свои представления о чести. При этом Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг подчеркивают, что термин «честь» используется не в современной трактовке для обозначения таких качеств, как честность и порядочность, но в соответствии со словоупотреблением в былые времена, т.е. для характеристики личной отваги и готовности сражаться. «Честь – это своего рода статус, связанный с физической храбростью и нежеланием подчиняться кому бы то ни было. Честь в этом смысле – это статус, обусловленный оценками других» (Campbell, Manning, 2018, p. 12).

Социальной нормой в культуре чести является демонстрация недюжинной силы, храбрости, жестокое возмездие обидчикам, посмевающим нанести субъекту оскорбление. «Культура чести, как правило, возникает там, где юридическая власть слаба или отсутствует и где репутация жесткости, возможно, является единственным эффективным сдерживающим фактором против хищничества или нападения» (Campbell, Manning, 2018, p. 14). В наши дни, отмечают

---

⁶ Особо отметим, что названия «культура чести», «культура достоинства» и «культура виктимности» – не оценочные, а научные термины. «Любой термин для совокупности нравственных идеалов и моделей поведения, которые мы описываем, будет своего рода стенографией, помогающей вести дискуссии» (Campbell, Manning, 2018, p. 24).

соавторы, культура чести продолжает существовать в арабском мире, а также среди уличных банд в западных странах.

Культура достоинства. В исторической эволюции по мере расширения государственной власти и роста правосознания, т.е. усиления опоры на закон, культура чести уступила место культуре достоинства. Переход к моральной культуре достоинства, в которой все граждане на законных основаниях наделены равными правами, произошел в большинстве западных стран в XIX веке. Так, в современных европейских обществах преобладает культура, чей моральный кодекс практически полностью противоположен кодексу культуры чести. На смену роли статуса, основанного на общественном мнении, пришло представление о том, что каждый человек обладает неотъемлемым и неотчуждаемым другими людьми достоинством. «Достоинство существует вне зависимости от того, что думают о человеке другие люди, поэтому культура достоинства – это культура, в которой общественная репутация менее значима» (Campbell, Manning, 2018, p. 15). Более того, именно великодушные и рациональные восприятия обид считаются здесь добродетелями, ибо помогают поддерживать миролюбие в обществе. В культуре достоинства похвально иметь толстую кожу, позволяющую не обращать внимание на пренебрежение и оскорбления; разрешать проблемы не кулаками, а словами – посредством взаимных договоренностей, открытых дискуссий или обращений к посредникам, в суды и полицию, с опорой на правовые институты. Права личности и права собственности в культурах достоинства защищены, прежде всего, институционально. Хотя в культуре достоинства и предписано избегать намеренных или ненамеренных оскорблений окружающих, в целом здесь преобладает этика самоограничения. Культуры достоинства практикуют терпимость и существенно более миролюбивы, нежели культуры чести. «В культуре достоинства правильный способ справиться с оскорблениями – игнорировать их» (Campbell, Manning, 2018, p. 221).

Культура достоинства опирается на культуру права. «Рост законности, порядка и торговли в современном мире способствовал возникновению культуры достоинства, которая в значительной степени вытеснила культуру чести среди среднего и высшего классов Запада. Культура достоинства существовала, пожалуй, в самой чистой форме среди уважаемых людей в однородных городах Америки середины XX века, где наличие стабильной и мощной правовой системы препятствовало наблюдаемым в культурах чести агрессивности и враждебности по отношению к поселению, в то

время как ... культурные и личные связи поощряли этику терпимости или мирной конфронтации» (Campbell, Manning, 2018, p. 15). В случае агрессии или оскорблений в культуре достоинства принято прибегать к услугам посредников, обращаться в полицию или суды. Если в культуре чести позорно не отвечать на оскорбления, то в культуре достоинства, напротив, критикуется несдержанное и агрессивное поведение, а обиженный субъект либо сочтет ниже своего достоинства реагировать на незначительную обиду, либо обратится для разрешения конфликта к третьей стороне. Таким образом, в моральных культурах достоинства институционально поддерживается этика сдержанности и терпимости.

Несмотря на то, что человеческое достоинство присуще каждому, поведение отдельных личностей может быть более или менее достойным. «Действовать достойно – значит проявлять самообладание и демонстрировать спокойную уверенность в собственной ценности, не унижаясь и не стремясь настойчиво к признанию» (Campbell, Manning, 2018, p. 15). Непризнание достоинства других людей и дурное с ними обращение считается в культуре достоинства аморальным и недостойным (Гам же).

Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг отмечают, что разные моральные культуры опираются и на различные дискурсы. «В культурах чести, где люди быстро замечают пренебрежение и жестоко реагируют на него, откровенно говорить о личностях может быть рискованно. На довоенном американском Юге это означало, что редакторам газет приходилось иметь дело с разгневанными джентльменами, желающими с ними подражаться» (Campbell, Manning, 2018, p. 214). Между тем в современных западных обществах большинство конфликтов разрешается без обращения к внешним авторитетам или прямого принуждения.

Культура виктимности. В наши дни, согласно Б. Кэмпбеллу и Дж. Мэннингу, зарождается новый тип моральной культуры. Культура виктимности как массовое явление появилась в университетских кампусах. «Университет является эпицентром культуры жертвы» (Campbell, Manning, 2018, p. 66). Особенности этой моральной культуры – личная обидчивость, повышенная чувствительность к неуважению, стремление отгородиться и защититься от тех явлений, которые задевают, вызывают негативные чувства, способны расстроить или огорчить. В нарративах культуры жертвы социальные и межличностные конфликты интерпретируются посредством парадигмы угнетения и власти, расового, гендерного или социального

неравенства. Также в культуре виктимности выстроены непроницаемые моральные иерархии, жизненный мир жестко делится на угнетателей и жертв. Жертвенность – «своего рода моральный статус, основанный на страдании и нужде» (Campbell, Manning, 2018, p. 23). Однако, когда жертвенность становится добродетелью, то привилегии начинают рассматриваться как порок. Отсюда в современной американской культуре возник низовой призыв ограничить свои привилегии.

Повышенная чувствительность к оскорблениям и агрессивному поведению породила феномен *микроагрессии*, сделавшийся предметом пристального изучения Б. Кэмпбелла и Дж. Мэннинга⁷. Микроагрессию соавторы определяют как пренебрежительное отношение окружающих к расе, классу, полу и т.п. Основная проблема микроагрессии заключается в том, что поведение другого человека интерпретируется субъектом как агрессивное без опоры на реальные факты или конвенциональные нормы, а исключительно на основании собственных «оскорбленных чувств»⁸. Таким образом, микроагрессией могут оказаться вполне невинные эпизоды повседневного общения: замечание, что человек хорошо выглядит или бегло говорит по-английски; реплика работодателя, что любой может добиться успеха собственными усилиями или что вакантную должность займет наиболее достойный кандидат (Campbell, Manning, 2018).

Рост жалоб на микроагрессию в начале XXI в., отмечают Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг, свидетельствует о новом направлении в эволюции моральных культур. «Жалобы на микроагрессию сочетают в себе чувствительность к пренебрежению, которую мы наблюдаем в культурах чести, с готовностью апеллировать к властям и другим

---

⁷ Впервые термин «микроагрессия» употребил в 1970-е гг. профессор образования и психиатрии Гарвардской медицинской школы Честер Пирс (Chester M. Pierce, 1927–2016). Затем термин получил распространение благодаря деятельности профессора консультативной психологии Колумбийского университета Деральда Винга Сю (Derald Wing Sue, p. 1942). Он определил микроагрессию как феномен повседневной жизни, включающий краткие и обыденные словесные, поведенческие и экологические оскорбления, преднамеренные и непреднамеренные, выражающие «враждебность, уничижительное или негативное отношение к расе, полу, сексуальной ориентации и религиозной принадлежности» (Campbell, Manning, 2018, p. 4). Д.В. Сю полагал, что могущество микроагрессии заключено «в ее невидимости для преступника» и «цветным людям может быть легче справиться с открытым и очевидным расистским актом, чем с микроагрессией, которая кажется расплывчатой или замаскированной» (Там же).

⁸ Примеры микроагрессии характеризуют возросшую чувствительность личности ко вполне невинным фразам, зачастую случайно подслушанным: «Одна жалоба касалась профессора в тренажерном зале, которая сказала кому-то, что она рада, что у нее и ее мужа голубые глаза, поэтому у ее детей будут голубые глаза» (Campbell, Manning, 2018, p. 2).

третьим сторонам, которую мы наблюдаем в культурах достоинства. И культура жертвы отличается от культур чести и достоинства тем, что подчеркивает, а не преуменьшает жертвенность заявителей» (Campbell, Manning, 2018, p. 17).

Таким образом, культура виктимности есть синтез двух предшествующих культур – культуры чести и культуры достоинства. Однако она воспроизводит и транслирует далеко не лучшие их черты. Культура жертвы сочетает присущую культуре чести повышенную чувствительность к неуважению и импульсивность реагирования со злоупотреблением институтами принуждения, выступающими последней инстанцией разрешения конфликтов в культуре достоинства. В культуре виктимности «индивидуумы и группы проявляют высокую чувствительность к пренебрежительному отношению, имеют склонность разрешать конфликты посредством жалоб третьим лицам и создают образ заслуживающих помощи жертв» (Campbell, Manning, 2018, p. 19).

Моральные культуры подспудно влияют на досуг и самопрезентацию людей. В культурах чести субъекты, как правило, озабочены тем, чтобы казаться окружающим храбрыми и сильными («благородные люди часто играют в азартные игры, много пьют и открыто хвастаются своими подвигами» (Campbell, Manning, 2018, p. 21)). В культурах достоинства социализация детей и подростков, напротив, направлена на обучение сдержанности, а безрассудное поведение и хвастовство критически оценивает большинство людей (Ibid.).

Чувствительность к микроагрессии отвергает одно из основных предписаний культуры достоинства – игнорировать оскорбления и пренебрежение – и вместо этого поощряет некоторых людей специально выискивать их и принимать против них меры. «В своем отвержении присущего культуре достоинства различия между насильственными действиями и просто словесными оскорблениями культура жертвы напоминает культуру чести» (Campbell, Manning, 2018, p. 16). Парадоксальным образом излишне чувствительные граждане, защищающие свои оскорбленные чувства, ведут себя гораздо скандальнее и агрессивнее тех, кто эти чувства якобы задевает, а нередко причиняют своим оппонентам и физическое насилие. Так, Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг описывают множественные ситуации, где студенты бросались на сцену и отбирали у неприятного им оратора микрофон, «а один студент ударил его кулаком по лицу» (Ibid., p. 19).

Ключевой особенностью культуры жертвы является «склонность обижаться по пустякам» (Ibid., p. 25). Исследователи критикуют культуру жертвы за «очернение привилегированных и возвеличивание угнетенных», а также обнаруживают в ней логические противоречия. Одно из таких противоречий состоит в том, что «поддержка оказывается тем, кто, считается, не имеет привилегий, но способность привлечь на свою сторону поддержку сама по себе является привилегией» (Ibid.).

Опасения ученых вызывают и другие особенности культуры виктимности, например, угроза свободе слова, являющейся идеалом культуры достоинства. «В разных обществах и на протяжении всей истории немногие моральные культуры высоко ценили свободу слова. Даже общества, которые ценят это, по-прежнему ограничивают некоторые виды речи. И добровольные ассоциации всех видов имеют тенденцию ограничивать свободу слова формально или неформально. Однако по нескольким причинам культура жертвы особенно враждебна свободе слова. Она разделяет с культурой чести тенденцию воспринимать и реагировать на пренебрежение и тенденцию стирать различие между речью и насилием. И даже в большей степени, чем культура чести, ее ограничения потенциально охватывают всё. Небольшие беседы и курс лекций, шутки и увлечения, книги и твиты, художественные выражения и научные теории – всё, что угодно, может вызвать обиду, где ущемленные стороны требуют, чтобы обидчиков заставили замолчать, уволили, подвергли нападению, изгнали или перевоспитали. В конечном счете, это несовместимо с приверженностью академии свободе слова и академическим свободам...» (Campbell, Manning, 2018, p. 215). Наряду с этим студенческие требования безопасных пространств (safe spaces) и триггерных предупреждений (trigger warnings) создают ложное впечатление, что можно «изолировать себя от тех, кто придерживается иных взглядов» (Ibid., p. 27).

Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг детально анализируют социокультурные условия, которые привели к появлению культуры виктимности. «Эти условия включают социальную среду с культурным разнообразием и относительно высоким уровнем равенства, хотя и с присутствием третьих лиц с высоким статусом таких, как юридические лица и администраторы организаций. <...> Эти условия усилились в последние годы, особенно в социальной среде, где проживают студенты колледжей и университетов» (Ibid., p. 63). Не имея возможности детально развить эту тему в ограниченных рамках статьи, обратим

внимание читателя на работу С. Хорвица, выявившего взаимосвязь между зарождением культуры виктимности и изменившимися условиями социализации современных детей и подростков (Horwitz, 2015).

Проблема также заключается в том, что, хотя три описанные выше культуры – чести, достоинства и виктимности – представляют собой различные эволюционные стадии в развитии европейских обществ, они сосуществуют и неминуемо сталкиваются друг с другом в современном пространстве глобализации, порождая, в лучшем случае непонимание и претензии, а в худшем – высекая искры конфликтов и производя насилие.

Элементы культуры жертвы распространены сегодня в различных срезах современности, где повышенную чувствительность к неуважению, склонность обижаться и сутяжничать легко встретить в столь разных странах, как Израиль, Америка и Россия. Оплотом же культуры достоинства, удерживающей стандарты толерантности и свободы слова, является современная Скандинавия.

**Greg Lukianoff & Jonathan Haidt.
The Coddling of the American Mind:
How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up
a Generation for Failure. New York, NY: Penguin Press, 2018**

Специалист в области психологии морали, социальный психолог Джонатан Хайдт (Jonathan Haidt, р. 1963) и журналист Грег Лукьянофф (Greg Lukianoff, р. 1974) взглянули на повседневную жизнь американских кампусов, концепцию микроагрессии и условия формирования культуры виктимности под углом зрения клинической психологии. В этом ракурсе они выявили три предпосылки культуры жертвы, которые назвали в своей книге «три Великими Неправдами» (three Great Untruths) (Lukianoff, Haidt, 2018, р. 249).

«Это книга о трех Великих Неправдах, которые, похоже, широко распространились в последние годы:

Неправда хрупкости: то, что вас не убивает, делает вас слабее.

Неправда эмоционального мышления: всегда доверяйте своим чувствам.

Неправда о “мы” vs “они”: жизнь – это битва между хорошими и плохими людьми» (Lukianoff & Haidt, 2018, р. 14).

Итак, три когнитивные заблуждения культуры жертвы заключаются в следующем: 1) жизненные испытания не делают личность сильнее, а потому всячески следует себя от них оберегать; 2) важно всегда доверять своим чувствам, ибо чувства никогда не подводят; 3) жизнь

есть непримиримый поединок, разворачивающийся между хорошими «нами» и плохими «ими».

Сформулировав эти имплицитные утверждения, составляющими базис культуры виктимности, соавторы последовательно опровергают их на протяжении состоящей из четырех частей книги.

Свой труд Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт начинают с критики концепции микроагрессии. Хотя последняя направлена на защиту личности от вызывающих дискомфорт слов и идей, в действительности она формирует лишь мнительность и мстительность, ибо посчитавший себя оскорбленным субъект стремится привлечь к ответственности всякого, кто не отвечает его моральным представлениям. Издержками моральной нетерпимости к микроагрессии и повышенной чувствительности к неуважению становится формирование нетерпимой общественной атмосферы, в которой каждый должен трижды подумать, прежде чем что-либо сказать, заранее защищая себя от обвинений в бесчувственности, агрессии или более тяжких преступлениях (Lukianoff, Haidt, 2018).

Определяя условия социализации подрастающих поколений, концепция микроагрессии поддерживает многое из того, что когнитивно-поведенческие терапевты рассматривают как когнитивные искажения, вызывающие депрессию и тревогу (Lukianoff, Haidt, 2018). «Когнитивно-поведенческие терапевты лечат пациентов, обучая их выявлять и исправлять эти когнитивные искажения – такие вещи, как *преувеличение* (преувеличение важности чего-либо), *чтение мыслей* (предположение без доказательств, что другие думают о вас негативно) и *навешивание ярлыков* (приписывание людям “глобальных негативных черт”). Есть и другие, но ясно, что идея микроагрессии поощряет каждое из этих трех искажений – в противовес терапевтической тактике. Преувеличение мелких правонарушений, чтение мыслей путем выявления подсознательных мыслей, о которых не подозревают сами правонарушители, и навешивание ярлыков на других людей как на агрессоров – все это неотъемлемая часть программы микроагрессии, по всей видимости, вредной для психического здоровья» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 9).

Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт показывают, что с позиции клинической психологии поведенческие стратегии жертвы есть не что иное, как утрата внутреннего локуса контроля.

Тревожные тенденции особенно проявились в американской культуре во второй декаде XXI в. Студенты повсеместно требовали создания безопасных пространств (safe spaces) и просили удалить

«триггерный» материал из учебных курсов⁹. «Культура множества университетских городков сделалась более идеологически однородной, что поставило под угрозу способность ученых искать истину, а студентов – учиться у широкого круга мыслителей» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 15). Хотя «три Великие Неправды» расцвели в кампусах колледжей, «своими корнями они уходят в раннее образование и детский опыт, и сегодня распространяются из кампуса в корпоративный мир и общественное пространство, включая национальную политику» (Ibid.). Более того, из американских университетов эта культура хлынула в университеты всего англоязычного мира (Ibid.).

Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт доказывают, что названные когнитивные искажения, а также политика и политические движения, которые на них опираются, «создают проблемы для молодежи, университетов и, в более общем плане, для либеральных демократий» (Ibid., p. 14–15). Поведенческий паттерн культуры виктимности они окрестили *мстительной защитой* (vindictive protectiveness), развивая мысли о том, что подобное поведение мешает учащимся вести открытые дискуссии, благодаря чему люди практикуют основные навыки критического мышления и гражданского несогласия (Ibid., p. 20). Ведь колледжи и университеты – это места для умственных и экзистенциальных тренировок. Игровое поле неровное, а жизнь зачастую несправедлива – Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт полагают, что гораздо лучшей заботой о детях и подростках будет не защищать их от повседневных невзгод, не оберегать «от ораторов, книг и идей, которые могут их оскорбить», но научить критически мыслить и преодолевать жизненные препятствия (Ibid., p. 18).

Именно приемы и практики когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), согласно Г. Лукьяноффу и Дж. Хайдту, способны послужить противовесом от распространения культуры виктимности. Дело в том, что КПТ развивает саморефлексивность, учит субъекта замечать собственную вовлеченность в различные «когнитивные искажения» такие, как «катастрофизация» (*если я не пройду этот тест, я провалю урок, меня выгонят из школы, и тогда я никогда не получу работу...*) и «негативная фильтрация» (склонность обращать внимание скорее на отрицательную обратную связь, чем замечать похвалу). Эти искаженные и иррациональные модели мышления выступают характерными чертами депрессии и тревожных расстройств. Если же люди обучаются

---

⁹ «Триггерные предупреждения – это устные или письменные уведомления, предоставляемые преподавателем, чтобы предупредить студентов о том, что они столкнутся с потенциально неприятным материалом» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 16).

перестроить свой способ мышления, «их депрессия и тревога обычно проходят» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 17).

Итак, в первой части книги, названной «Три плохие идеи» (Three Bad Ideas), Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт обсуждают культуру виктимности, рассказывают о когнитивно-поведенческой терапии и выделяют список из девяти наиболее распространенных когнитивных искажений. Поскольку этими искажениями время от времени страдают все люди, КПТ, убеждены соавторы, может принести пользу каждому. Научиться распознавать и сдерживать свои когнитивные искажения – «хорошая интеллектуальная привычка», которую следует культивировать (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 44).

Далее они разбирают примеры распространенных когнитивных искажений:

Эмоциональное обоснование (emotional reasoning): субъект позволяет своим чувствам управлять интерпретацией реальности. («У меня депрессия, следовательно, мой брак распадается»).

Катастрофизация (catastrophizing): субъект фокусирует внимания на наихудшем развитии событий, рассматривая этот сценарий как наиболее вероятный. («Будет ужасно, если я потерплю неудачу»).

Чрезмерное обобщение (overgeneralizing): на основе лишь одного инцидента субъект делает глобальные выводы. («Обычно это происходит со мной, похоже, я не успешен во множестве вещей»).

Дихотомическое мышление (dichotomous thinking), известное также как черно-белое или бинарное мышление: субъект воспринимает реальность в терминах «всё или ничего». («Меня все отвергают». «Это была пустая трата времени»).

Чтение мыслей (mind reading): субъект предполагает, что знает, что действительно думают люди, не имея на то достаточных доказательств. («Она думает, что я неудачник»).

Навешивание ярлыков (labeling): субъект приписывает себе или другим всесторонние негативные свойства (нередко на основе дихотомического мышления). («Я никому не нужен». «Он дурной человек»).

Негативная фильтрация (negative filtering): субъект сфокусирован на негативной стороне вещей, игнорируя позитивную сторону. («Посмотрите на всех людей, которым я не нравлюсь»).

Обесценивание позитивов (discounting positives): утверждая, что сделанные кем-либо положительные вещи тривиальны, субъект сохраняет свои негативные суждения. («Это то, что должны делать все жены, поэтому ее доброе отношение ко мне не считается». «Эти успехи слишком легко достигнуты, поэтому они не имеют значения»).

Обвинение (blaming): отказываясь взять на себя ответственность за свою жизнь, субъект обнаруживает источник негативных чувств в другом человеке. («Она повинна в том, что я сейчас чувствую». «Во всех моих проблемах виноваты мои родители») (Ibid.).

Во второй части книги – «Плохие идеи в действии» (Bad Ideas in Action) – Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт исследуют, как набирающее популярность в современном мире когнитивное заблуждение «*речь – это насилие*» не только подрывает свободу публичных дискуссий, но и вредит психическому здоровью подрастающих поколений. «Дети, как и многие другие сложные адаптивные системы, антихрупки. Их мозгу требуется широкий спектр входных данных из окружающей среды, чтобы правильно настроить себя для жизни в этой среде. Как и наша иммунная система, дети должны подвергаться испытаниям и стрессорам (в определенных пределах и в соответствии с возрастом), иначе они не станут сильными и талантливыми взрослыми, способными продуктивно взаимодействовать с людьми и идеями, бросающими вызов их убеждениям и моральным принципам» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 37–38).

Доказав, что благонамеренная чрезмерная защита в конечном итоге приносит подрастающим поколениям больше вреда, нежели пользы, Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт заключают, что риски и стрессоры являются естественными атрибутами человеческого бытия, следовательно, родители и учителя должны помогать детям развиваться на основе подобного опыта, а не охранять детство от различных видов потенциально расстраивающих переживаний. Для характеристики социализации в условиях современности Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт изобрели специальный конструкт «safetyism – это культ безопасности – одержимость устранением угроз (как реальных, так и воображаемых)» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 41). Если в XX веке понятие «безопасность» обычно означало физическую безопасность, то в наши дни произошло постепенное «расползание понятий», представление о безопасности существенно расширилось, включая в свою сферу и «эмоциональную безопасность». В дальнейшем сюда добавилась также и «информационная безопасность».

В этом контексте Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт обсуждают статью австралийского психолога Ника Хаслама (Nick Haslam, p. 1963) «Ползучесть понятий: расширяющиеся представления психологии о вреде и патологии» («Concept Creep: Psychology's Expanding Concepts of Harm and Pathology») (Haslam, 2016). Изучив группу ключевых понятий в клинической и социальной психологии таких, как «травма», «травля»,

«жестокое обращение», «издевательство» и т.п., чтобы определить, как изменилось их употребление с 1980-х гг., Н. Хаслам обнаружил, что понятия «расползались» в двух направлениях: с одной стороны, они ползли «вниз», применяясь ко все менее серьезным ситуациям, с другой стороны, распространялись «вовне», охватывая новые явления. Так, например, произошло со словом «травма», к которому стали относить и развод родителей. Хотя «эти переживания печальны и болезненны, – комментируют Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт, – но боль – отнюдь не то же самое, что травма» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 32). В ситуациях, не попадающих под категорию «травм», разумеется, может помочь консультирование, но, как правило, люди легко восстанавливаются и без каких-либо терапевтических вмешательств.

Примечательно, что ключевым изменением для большинства концепций, которые исследовал Н. Хаслам, был переход к субъективному стандарту. «Субъективное переживание “вреда” стало определяющим при оценке травмы. В результате слово “травма” используется гораздо шире не только специалистами в области психического здоровья, но и их клиентами и пациентами, в том числе все большим числом студентов колледжей» (Ibid.). Таким образом, понятия «травмы», «травли» или «жестокое обращение» перестали быть конвенциональными: чтобы отнести себя к глубоко травмированным или оскорбленным субъекту достаточно довериться собственным чувствам.

В третьей части – «Как мы здесь очутились?» (How Did We Get Here?) – на материале недавних событий американской жизни Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт анализируют изменения, произошедшие в социализации детей и методах воспитания. Они выделяют шесть актуальных тенденций: повышение уровня подростковой тревожности и депрессии (1), приводящей к тому, что многие ученики стремятся к еще большей защищенности, становясь восприимчивее к когнитивным искажениям (2); изменение в методах воспитания, несмотря на тот факт, что детство становится все более безопасным, лишь усилило детские страхи¹⁰ (3); утрата свободных детских игр и опыта неконтролируемого риска, необходимых подросткам для превращения в самоуправляемых взрослых (здесь авторы опираются

---

¹⁰ «Благодаря гигиене, антибиотикам и слишком малому количеству игр на свежем воздухе дети больше не подвергаются воздействию микробов, как раньше. Это способно привести к тому, что у них разовьется иммунная система, чрезмерно реагирующая на вещества, которые на самом деле не представляют угрозы, вызывая аллергию. Точно так же, ограждая детей от всех возможных рисков, мы заставляем их реагировать с преувеличенным страхом на ситуации, которые вовсе не опасны...» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 28).

на уже упомянутые исследования С. Хорвица¹¹⁾ (4); рост университетской бюрократии и экспансия ее защитной миссии (5); растущая страсть к справедливости в сочетании с изменением представлений о том, чего требует справедливость (6) (Lukianoff, Haidt, 2018).

Новая культура безопасности (new culture of safetyism), описанная в части I, и драматические события современности, проанализированные в части II, являются, по мнению соавторов, «результатом множества пересекающихся тенденций и объяснительных нитей, которые сошлись воедино в последние годы». «Эти нити уходят в историю, в детство и в национальную политику» (Lukianoff, Haidt, 2018, p. 221).

Четвертая часть книги – «Размышление» (Wising Up) – предлагает программу действий, направленную на преодоление негативных последствий изнеженности разума, концепции микроагрессии и связанных с ней когнитивных искажений.

В качестве выхода из ситуации повального распространения культуры виктимности, обусловленной изменившимися условиями социализации подрастающих поколений, Г. Лукьянофф и Дж. Хайдт предлагают практиковать осознанность и с опорой на наработки когнитивно-поведенческой терапии преодолевать сложившиеся неадекватные установки: устремляться навстречу жизненным вызовам, а не избегать всего, что кажется небезопасным; освобождаться от когнитивных искажений, а не доверять своим непосредственным чувствам; великодушно относиться к другим людям, активно осмысливать нюансы и различия, а не искать в намерениях окружающих самое худшее, не поддаваться упрощенным интерпретациям моральных дихотомий «мы» и «они» (Lukianoff, Haidt, 2018).

Заключение

Современность предстает в наши дни как трансформирующийся мир, где процессы глобализации соседствует с этническими ренессансами, а модернизации – с архаизацией; культура толерантности и тенденция снижения насилия встречаются с радикализацией отдельных социальных групп, ростом нетерпимости

---

¹¹⁾ С. Хорвиц объясняет поведение студентов колледжей, находящихся в последние годы культуру жертвы более приемлемой, нежели культуру достоинства, тем фактом, что в процессе социализации современные дети и подростки не выработали навыков, необходимых для разрешения конфликтов. Основной причиной этого является отсутствие опыта детских свободных игр или игр без принуждения (unsupervised childhood play) (Horwitz, 2015).

и агрессии; развитие автоматизации и искусственного интеллекта, призванных освобождать человека и дарить ему досуг, вселяют тревогу и неуверенность в завтрашнем дне; в повседневной жизни нарастает неопределенность, при повышении культурного разнообразия и социальной мобильности сталкиваются ценности развития и безопасности. «Всё смешалось в доме Облонских» – знаменитая фраза из романа Л.Н. Толстого весьма удачно характеризует состояние современного мира, где микшированы культуры, идентичности, ценности, локальные и глобальные тенденции развития.

Как столкновение различных моральных систем, так и изменения настоящей моральной культуры способны застичь людей врасплох. Сосуществование культур чести, достоинства и виктимности в одном жизненном пространстве создает ситуацию размытых социальных норм и тем самым обескураживает субъектов современности. Так, стремящиеся действовать в соответствии с идеалами культуры достоинства люди сегодня одинаково порицаемы с позиции и культуры чести, и культуры виктимности. «Всякий раз, когда противоречащие друг другу моральные идеалы существуют рядом друг с другом, люди могут не знать, как действовать, не уверены в том, будут ли их хвалить или осуждать другие. Стандарты одного человека вызывают недовольство другого... Те, чья мораль основана на идеалах достоинства, считают жалобщиков на микроагрессию ... тонкокожими, немилосердными и, возможно, бредовыми, в то время как те, кто исходит из новейшей морали жертвы, считают своих критиков бесчувственными, привилегированными и, возможно, фанатичными», – справедливо отмечают Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг (Campbell, Manning, 2018, p. 39). Однако постановка диагноза лишь первый шаг на пути к исцелению культуры.

В последние годы появилось немало научной литературы, буквально по горячим следам осмысливающей происходящие в современном мире изменения в связи с меняющимися условиями социализации детей и подростков. Наш обзор, не ставя перед собой цели охватить необъятное, осветил лишь несколько статей и книг. Более полный список тематических исследований представлен в библиографии.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания, FNRE-2021-0001.

Литература

Campbell, B., Manning, J. *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. London: Palgrave Macmillan, 2018.

Haslam, N. *Concept Creep: Psychology's Expanding Concepts of Harm and Pathology* // *Psychological Inquiry*. 2016. Vol. 27. P. 1–17.

Horwitz, S. *Cooperation over Coercion: The Importance of Unsupervised Childhood Play for Democracy and Liberalism* // *Cosmos+Taxis*. 2015. Vol. 3. No. 1. P. 3–16.

Kim, Y., Cohen, D., Au, W. *The Jury and Abjuration of my Peers: the Self in Face and Dignity Cultures* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98. No. 6. P. 904–916.

Lukianoff, G. & Haidt, J. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York, NY: Penguin Press, 2018.

Marano, H.E. *A Nation of Wimps: The High Cost of Invasive Parenting*. New York: Broadway Books, 2008.

Twenge, J. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood*. New York, NY: Atria Books, 2017.

Сведения об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Институт психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *mguseltseva@mail.ru*

Guseltseva M.S.

Socialization in modern conditions:
victimhood culture

(review of foreign thematic publications)

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

A victimhood culture is one of the phenomena of our time, which in recent years has been actively comprehended in a number of publications. This review of foreign case studies focuses on two books that have studied the rise of a new moral culture on university campuses, the victim culture. In the book “The Rise of

Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars” (2018), sociologists B. Campbell and J. Manning consider the change of three historical types of European moral cultures – honor culture, dignity culture and victimhood culture. Dignity culture as an ideal of modern democratic societies is characterized by the value of freedom of speech and tolerance for microaggressions. This means that ignoring or polite rebuff in response to microaggressions is the norm here. Whereas in a victimhood culture, public condemnation of the microaggressor, up to network harassment, becomes a social norm; as well as the requirement of external control over his behavior; a ban on certain statements and touching on sensitive topics; the need for trigger warnings and the allocation of safe spaces on university campuses. In “The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure” (2018), G. Lukyanoff and J. Haidt examine the victimhood culture and the concept of microaggression from the perspective of cognitive behavioral therapy. They show that a victim culture is based on the loss of the subject’s internal locus of control. The co-authors consistently debunk three cognitive fallacies that are implicit premises of victimhood culture: guarding oneself from pain and emotional trauma; trust your feelings without questioning them; some people are good and some people are evil, and good people have to fight against evil people. The authors of these books come to the conclusion that socialization in modern conditions creates risks of effeminacy for children and adolescents, thereby depriving them of self-government and resilience.

Key words: modernity, socialization, dignity culture, victimhood culture, subject

For citation: Gusetseva, M.S. (2023). Socialization in modern conditions: victimhood culture (review of foreign thematic publications). *New Psychological Research*, No. 3, 139–158. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_03_08

Acknowledgment

The article was carried out within a State assignment, project FNRE- 2021-0001.

References

Campbell, B., Manning, J. (2018). *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. London: Palgrave Macmillan.

Haslam, N. (2016). Concept Creep: Psychology’s Expanding Concepts of Harm and Pathology. *Psychological Inquiry*, 27, 1–17.

Horwitz, S. (2015). Cooperation over Coercion: The Importance of Unsupervised Childhood Play for Democracy and Liberalism. *Cosmos+Taxis*, 3(1), 3–16.

Kim, Y., Cohen, D., Au, W. (2010). The Jury and Abjuration of my Peers: the Self in Face and Dignity Cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 98(6), 904–916.

Lukianoff, G. & Haidt, J. (2018). *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York, NY: Penguin Press.

Marano, H.E. (2008). *A Nation of Wimps: The High Cost of Invasive Parenting*. New York: Broadway Books.

Twenge, J. (2017). *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood*. New York, NY: Atria Books.

Information about the author

Marina S. Gusevtseva, Sc.D. (Psychology), Associate professor, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya square, Moscow, Russia, 125047; mgusevtseva@mail.ru